

© 1990 г.

СВОБОДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫБОРА

(«Круглый стол» редакции)

В обсуждении принимают участие: Е. Я. Виттеберг — доктор исторических наук, зав. сектором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; А. Е. Бусыгин — кандидат экономических наук, докторант Академии общественных наук при ЦК КПСС; С. П. Грызунов — кандидат исторических наук, зам. главного редактора союзной информации Агентства печати «Новости»; С. С. Дзарасов — доктор экономических наук, зав. кафедрой политической экономии АН СССР; А. И. Дмитриев — доктор философских наук, главный редактор журнала «Социологические исследования»; В. П. Киселев — кандидат философских наук, зав. сектором Института экономики мировой социалистической системы; В. Н. Иванов — доктор философских наук, руководитель Центра изучения социально-политических и идеологических процессов Института социологии АН СССР; В. В. Мунтян — кандидат юридических наук, член Совета по изучению проблем национальных отношений секции общественных наук АН СССР; А. А. Сергеев — доктор экономических наук, профессор Высшей школы профсоюзного движения; Б. В. Славин — доктор философских наук, зав. отделом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ведет заседание главный научный сотрудник ИСАН СССР, доктор философских наук В. Г. Смоленский.

Участники дискуссии решили обсудить следующий круг вопросов: социалистический выбор и конкретно-исторические условия его реализации; альтернатива «социализм - капитализм» в России в 1917 г.; возможности «комбинированного типа» развития и антисоциалистического выбора; «свобода выбора» перестройки и способы оптимального разрешения возникающих здесь противоречий.

В. Г. Смоленский: Почему поставлены именно такие вопросы? Мы живем в условиях, я бы сказал, интернационализации процесса перестройки. Если кто-то не согласен с такой формулировкой, могу сказать иначе: перестройка идет во всех социалистических странах, имеющих свое место в мире, свои специфические особенности, формы организации общественной жизни, свой особый кризис. Это так. Но речь идет именно об обновлении социалистического общества в целом. Правда, существует и несколько иное мнение. Его сформулировал за «круглым столом» Центрального телевидения Л. Г. Бовин, назвавший данный процесс общим кризисом социализма. Сказать вопреки этому, что нет кризисных явлений в организации социалистической жизни, было бы, конечно, неверно. Перестройка действительно предполагает существенные изменения и формы, и содержания социалистического строя.

Однако я хотел бы напомнить, что впервые провозгласили общий кризис социализма западные советологи в начале 80-х годов в связи с событиями в Польше и предкризисными явлениями в советской экономике. Тем не менее я не хочу противопоставлять семантически более емкое определение «интернационализации перестройки» словоупотреблению «общий кризис социализма». Хотя здесь, как я уже сказал, есть существенные нюансы. Когда наши обществоведы говорят об «общем кризисе», имеют в виду раскол. С этой точки зрения вряд ли мы можем одно-

значно, как о некоем одномерном феномене, говорить об общем кризисе социализма. Даже если взять Польшу, где, по словам ее руководителей, должен проходить процесс мирной эволюции от социализма к капитализму, о разрыве союзных межгосударственных связей при всех негативных явлениях, которые так или иначе имеют место, мне думается, говорить преждевременно.

Перестройка - процесс революционный. Он связан с переосмыслением и трезвой оценкой всего нашего исторического опыта, приданием нашей организации общественной жизни новых форм, а социализму - нового облика. Поэтому-то перед нами во весь рост и встает вопрос, собственно, изначальный - о социалистическом выборе, о свободе этого выбора. Хотелось бы задать коллегам такой, казалось бы, ненаучный вопрос: как вы считаете, со взглядом на 72 года назад можно ли было без конкретных социологических исследований определить наличие свободы социалистического выбора у народов нашей страны? Я имею в виду способность больших масс людей действовать в соответствии со своими интересами, опираясь на познание объективной необходимости социалистической перспективы. Есть и другие вопросы: насколько свобода выбора отвечала реальным предпочтениям, таким, как выбор цели в сочетании с выбором средств, насколько все это было едино и органично.

Я не историк, но тем не менее предлагаю отнюдь не риторический вопрос: почему исторический выбор окончательно сложился в российской действительности к 1917 г., и как он отразил две возможности общественного развития, прямо противоположные по своему содержанию и направленности. Историки отмечают, что постановка Лениным вопроса о социализме как необходимом и ближайшем для России шаге вперед положила начало дискуссии о вероятных путях ее развития. Собственно, поэтому столь ожесточенным был спор по коренной проблеме — возможен ли социализм в России, отзвуки которого мы слышим и сегодня в разных аудиториях. Прежде чем предоставить слово другим товарищам, отмечу такую еще позицию. Применительно к условиям, когда складывались объективные социально-экономические предпосылки социалистической революции, Ленин подчеркивал решающую роль субъективного фактора, подготовленность революционных сил к радикальному решению основных политических, социальных и национальных проблем. Большевики смогли на этой основе видоизменить доктринальную последовательность развития к социализму, не ждать полного созревания его предпосылок, а, завоевав политическую власть и опираясь на нее, начать с другого конца, построить современные производительные силы, необходимые для общественного прогресса.

Иными словами, в ленинской постановке вопроса социализм, являющийся целью и идеалом рабочего движения, предстал общенациональной потребностью. Поэтому некоторые перипетии борьбы за социализм в России характеризуются, с одной стороны, поэтапным ходом его движения, многовариантностью, противоборством между консервативно-буржуазным и революционно-демократическим путями, перерастанием последнего в социалистическую революцию. С другой стороны, опыт Октября подчеркивает закономерность революционного решения коренных социальных и национальных проблем. Отсюда ясно, как глубоко был прав Ленин, когда указывал, что именно классовая борьба решает вопрос о выборе пути. Именно на ее основе возникла эпоха общего кризиса капитализма. Сущность ленинского подхода к переводу страны на социалистический путь, подхода, несомненно, новаторского, в том, что он рассматривается не как нечто сверхъестественное, а как практический выход из кризиса буржуазно-помещичьего строя, из тупика, в котором оказалась страна в 1917 г., как конкретный ответ на конкретные проблемы общественного развития.

В. Н. Иванов: Я думаю, что рассматриваемая сегодня проблема действительно важна, интересна и многоаспектна. Поэтому мы поступим правильно, уделив внача-

ле хотя бы небольшое внимание ее методологической стороне. Первое. Если человечество развивается по объективным законам, то что вообще можно «выбирать» в историко-деятельном плане? Возможен ли выбор в условиях относительно «спокойного» течения общественной жизни или только в какие-то переломные моменты истории, когда противоречия резко обостряются и требуется «осознанное вмешательство» в естественный ход событий? Насколько люди, классы, организации могут быть свободны в этом вмешательстве и есть ли здесь объективные «ограничители») и т. д. Суть выбора заключается в том, чтобы, правильно учтя реальные условия, найти революционную силу, заинтересованную и способную их изменить, вооружить ее необходимым знанием и соответственно организовать. Вот это, наверное, те объективные параметры, без которых мы не можем понять вообще, что такое выбор, ведь его осуществляла не кучка революционеров, но массы. Именно осуществляла на практике, а не только провозглашала.

Важно рассмотреть события 1917 г. с этих позиций. Здесь уже отмечалось, что тогда были две возможности: или Россия пойдет по капиталистическому пути, или она повернет на путь социалистический, Казалось бы, с точки зрения исторического материализма страна, конечно же, должна была развиваться по первому варианту, ибо неразвитость капиталистического способа производства означала здесь также отсутствие объективных предпосылок для перехода к новому способу производства. Для нас методологически очень важна ленинская полемика с Сухановым. На заявление последнего, что «Россия еще не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», В. И. Ленин отвечает: «...к этому вынуждают чрезвычайные обстоятельства „безвыходности своего положения“»¹. Буржуазия и Временное правительство, если реально смотреть на вещи, не решили ни одной назревшей в России проблемы. Большевики вышли с лозунгами, выражавшими действительные интересы и чаяния масс. По существу своему первые не являлись прямо и непосредственно социалистическими, т. е. не звали к соответствующим преобразованиям. Что такое «Мир народам?» Это общедемократическое требование. Что такое «Земля крестьянам»? Это требование буржуазно-демократической революций (не говоря уже о заимствовании во многом большевиками эсеровской крестьянской программы). «Власть советам!» Каким? Тем не менее выбор был осуществлен революционными массами. Большевики пришли к власти и стали единственной правящей партией, приступившей к осуществлению своей программы. Конечно, этот выбор не носил характер социалистического. Он предполагался таким по мере углубления преобразований и активного участия в них широких масс трудящихся.

Первым серьезным ограничением свободы исторического творчества масс стал военный коммунизм. Нэп ее возможности расширяет, но ненадолго. Конец 20-х годов, переход к сплошной «коллективизации» под давлением сверху превращает людей в простых исполнителей, «винтиков» государственной административно-командной системы. Возникает новая форма отчуждения трудящихся от собственности и от власти. Здесь уже о каком-либо выборе или хотя бы участии в нем говорить не приходится. Под давлением могучего репрессивного аппарата люди не могут и помыслить об альтернативах. Выбор производится за них. Перестройка меняет дело. Она дает возможность объективно оценить сделанное, понять, в какой степени в социалистическом выборе действительно участвовали массы, а что им было просто навязано, что объективно отвечало их интересам, а что противоречило им.

Е. Я. Виттенберг: Безусловно, Октябрьская революция противоречила марксистской доктрине, согласно которой смена одной общественно-экономической формации другой происходит лишь тогда, когда первая исчерпывает себя и ста-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 380.

новится тормозом общественного развития. Октябрь прервал естественный ход истории. При этом В. И. Ленин выдвинул весьма смелую идею, противоречащую взглядам европейской социал-демократии о том, что сначала создаются цивилизационные предпосылки социализма, а уже потом рабочий класс может взять власть. Он предложил изменить общепринятый порядок: сначала взять власть. Думается, именно в нарушении естественного хода исторических процессов, если угодно, в насилии над ними, лежат глубинные причины наших деформаций. Надо отдать должное В. И. Ленину, который все же осознал это, разработав политику нэпа, являвшую собой попытку вернуться в русло естественноисторического процесса. Более того, на X съезде партии он признал и допустимость возникновения многопартийной системы - отражения экономического плюрализма. Нэп, на наш взгляд, стал неким третьим путем развития — ни капиталистическим в полном смысле слова, ни социалистическим в ортодоксальном. Это - эволюционный путь, подходящий с теми или иными оговорками и для социал-демократов.

Являлся Октябрь ошибкой, или нет? Это непростой вопрос. Однако уроки истории оцениваются прежде всего по результатам. Они, мягко говоря, не блестящие. Пройдя за 72 года через море крови, лжи, насилия, лишений, мы создали общество, где существует жестокая эксплуатация основной части населения (иначе как объяснить, что производительность труда у нас ниже, чем в передовых странах в два-четыре раза, а доходы - в десятки раз!), не только не преодолено отчуждение, но, наоборот, усилилось во всех сферах общественной жизни, где человек обречен на нищенское существование и постоянное унижение; где процветают коррупция и социальная несправедливость, где только-только начинает прорастать демократия; где безнравственность и аморальность достигли непостижимых масштабов, а конформизм и бездуховность прочно укоренились в структуре личности. И это общество некоторые называют социалистическим! Если это правда, то такой социализм, уверяю вас, никому не нужен.

С. С. Дзарасов: Мне кажется, ни современники, ни потомки не имеют права упрекать большевиков в октябрьском перевороте. Принятием Декретов о мире и земле они действительно разрешили назревшие задачи исторического развития России. Мы можем и должны, в особенности в свете трагического опыта нашей истории, упрекать их, в другом: они потянулись к власти одни, взяли ее на себя, исключив из общественной и политической жизни другие социалистические партии, и тем самым ликвидировали демократию - главное завоевание февральской революции. Вот этого права они не имели. Революция была плодом не только их - большевиков - деятельности. Эсеры и меньшевики боролись за нее не меньше: шли в тюрьмы и ссылки, на каторгу и виселицу. Больше того, степень признания народом партии социал-революционеров показали и выборы в Учредительное собрание. А между тем, Ленин и Троцкий, а с ними большинство партии клеймили соглашение с другими революционными и социалистическими партиями как соглашательство и предательство, отвергая коалицию.

Справедливость требует сказать, однако, что в РКП (б) было и меньшинство, стоявшее на других позициях. Ряд ответственных работников - членов ЦК и Совнаркома (Каменев, Ногин, Рыков, Шляпников) - возражали против узурпации власти, выступая за коалиционное правительство, состоящее из всех входящих в Советы социалистических партий: большевиков, меньшевиков и эсеров. Они говорили, что если мы возьмем власть одни, то вызовем в стране террор, потому что иначе удержать ее не сможем. А если пойдем на террор, то ответной реакцией будет гражданская война.

Теперь нет нужды говорить о том, насколько верным оказалось это предвидение. Рассуждая о репрессиях последующих лет, следует видеть их исторические и политические корни, произрастающие из логики господства одной партии. В определенной критической ситуации она может быть адекватна минутному настроению

масс, как это случилось в октябрьские дни. Но ни одна партия не в состоянии отразить и сочетать разнообразие интересов и волю всех слоев. Поэтому партия, служащая народу, ставящая его интересы выше своих, не может покушаться на демократию. Демократия как воздух: либо есть для всех, либо нет ни для кого. Трагическая судьба большевиков, не допустивших демократии в России и ставших жертвой ее отсутствия - самое наглядное доказательство правоты этой мысли. Ровно через 10 лет после того, как Троцкий отправил своих политических противников в «сорную корзину» истории, его самого постигла та же судьба. 27 октября 1927 г. «Правда» опубликовала следующее сообщение: «Проходившие вчера собрания Московского и Ленинградского партактива одобрили исключение тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК ВКП(б)». Еще через 10 лет те, кто голосовал за эту резолюцию, также были отправлены, как они любили выражаться, в «мусорную яму истории». Поистине, не рой другому яму...

Теперь я возвращаюсь к показанному здесь ролику о демонстрации 7 ноября: шествие по улицам Москвы с лозунгами и транспарантами, митинги и выступления. Не все сказанное нам может нравиться. Эмоции переливаются через край: не всегда люди, а мы видели главным образом молодежь, - находят разумные формы выражения своих чувств. Все это верно. Тем не менее не нахожу в них ничего страшного. Если мы хотим демократии, то к несогласиям надо привыкнуть. Демонстранты выражают боль общества! Необходимо слышать и понимать: не установленных сверху демонстраций не было с 1927 года!

Социализм должен стать свободным и демократическим обществом. Права оказались не Ленин и не Троцкий. Права - Каменев, Ногин, Рыков. Вы, конечно, знаете о результатах работы комиссии Политбюро по изучению материалов репрессий прошлых лет.

Вскрыта жуткая механика беззакония и произвола. В ней надо видеть корни кризиса коммунизма. Вопрос о социалистическом выборе нельзя рассматривать без учета судеб нашей революции и тех, кто ее совершил. Большевики задушили демократию в самом начале, а затем сами стали задыхаться и гибнуть от ее отсутствия. Ни в одной революции ее творцы не были доведены до такого позора, осквернения и морально-политического падения, как в нашей, социалистической. Большевики виноваты не в том, что сделали социалистический выбор в октябре 1917 г. В этом они как раз правы. Их достоинство и преимущество состояли в том, что они лучше других политических партий слышали подземный гул истории. Однако претензия на монопольное господство обрекает на трагедию, грозящую и нам, если будем поступать также претенциозно.

А как развивались события после революции? Бытует представление, что существовал некий чертеж - ленинская программа построения социализма. Оно ошибочно. Никакой теории построения социализма в отдельно взятой стране Ленин не создавал. Это сталинские выдумки. Ленин в своих заметках о книге Суханова, которую я уже упоминал, высмеивает II Интернационал как раз за стремление строить социализм по чертежам. На самом деле мы должны начать социалистическую революцию и зажечь пожар мировой революции, а строить будем все вместе с другими европейскими странами и с их помощью. Но мировая революция не произошла, и мы оказались в экстремальной ситуации. С этим связаны наши главные трудности.

В. В. Мунтян: Случилось так, что, провозглашая движение общества к достижению идеалов социалистического выбора, наша страна, а за ней и другие социалистические государства, жестко и бескомпромиссно ушли от этих идеалов. В результате целые народы были лишены элементарных человеческих прав, допускались социальная несправедливость и неравноправие.

Почему же так произошло? Повинна ли в этом марксистская теория, одухотворившая революцию, или партия и сгруппировавшиеся вокруг нее социальные

силы, допустившие неправильную интерпретацию марксизма и превратившие творчески развивающееся учение в оторванные от реальной действительности догмы, стереотипы и схемы, в плену которых мы находимся и по сей день?

В. П. Киселев: Как случилось, что мы стали, по словам русского поэта М. Волошина, «из вечных истин строить казематы»?

Известно, что для классиков научного социализма новое общество должно было стать итогом естественно-исторического развития, следствием самоисчерпания капитализма, результатом творчества масс, способом их самоорганизации, а не конструкцией, насильственно навязываемой сверху. Поэтому идеал социалистического общества ими сознательно не конкретизирован, да и о переходном состоянии к такому обществу они размышляли мало. Вместе с тем наряду с плодотворными положениями, подтвердившимися на практике, марксизм содержал исторически ограниченные, порою утопические идеи. Так, Маркс и Энгельс не придавали серьезного значения возможностям эволюционного, реформистского развития капитализма. Они абсолютизировали роль классовой борьбы и диктатуры пролетариата, проявляя нигилизм относительно буржуазной демократии и оставляя на периферии своего внимания социально-психологические, нравственные, да и политические аспекты развития будущего общества.

Одна из причин - недооценка цивилизующей роли частной собственности как основы личной свободы, пренебрежение необходимостью саморегуляции в общественном развитии и преувеличение значения планомерного регулирования на основе национальной централизации средств производства. Политическая тенденциозность вождей рабочего класса спровоцировала их иллюзии о готовности капитализма для перехода к новому типу общественного развития. Дело, однако, не в теоретических ошибках классиков, а в том, что революционный путь к новому обществу оказался исторически несостоятельным. Радикально-коммунистический путь к социализму привел к поражению, поскольку были созданы общества, имитирующие социализм, но не решившие ни одной задачи, поставленной его строителями.

Основные черты этих обществ правомерно определяют как казарменно-деспотический, государственный, административно-бюрократический, распределенческий социализм и т. п. Эксплуатация не только не исчезла, но даже усилилась, обретя новые, внеэкономические формы, основанные на безраздельном господстве государственной собственности, выдаваемой за общенародную. Социальная справедливость не утвердилась, поскольку ее основной принцип «от каждого - по способностям, каждому - по труду» не был реализован. И причина не в «деформациях», а в том, что реализовать этот принцип без рынка, не на основе закона стоимости нельзя: утопична сама идея редукции сложного труда к простому: технически невозможно административными методами определить затраты труда. Уровень жизни рос неадекватно потребностям, возникло «относительное» (а порой и абсолютное) обнищание трудящихся, особенно заметное на фоне достижений иной социальной системы.

Оценивая нынешнее состояние новых обществ, целесообразно поставить принципиальный вопрос: были ли Октябрьская революция и революции 40-х годов социалистическими? Вначале кажется, ответ лежит на поверхности. Если исходить из провозглашавшихся вождями целей, то да, были. Однако, дескать, позже идеалы социализма деформировались, исказились, и сейчас идет процесс возвращения к социалистическим идеалам - как бы революции в революции. Получается, что они продолжались и в период террора, и в период застоя, а народ этого просто не заметил. Однако как можно торжество казариенности выдавать за перманентную революцию, а правительственный террор за народное волеизъявление? По меньшей мере - вопиющая ложь. Может быть в данном случае проще говорить о новых социалистических революциях? Тогда логично признать историческое поражение Октября, призвать контрреволюционный переворот (термидор).

Другая позиция сводится к следующему. Все революции в Восточной Европе, включая Октябрьскую 1917 г., не были социалистическими, не создали основы для посткапиталистического развития. Поскольку в большинстве этих стран отсутствовали соответствующие социально-экономические и политические предпосылки для такого развития, возникли маргинальные, искусственные, а не органичные общественные системы. Оставляя в стороне вопрос о причинах их генезиса, отмечу, что подобного рода системы - тупиковые, не способные к реформам, к самокоррекции. Они не могут не стать деспотическими, ибо основаны на почти тотальном огосударствлении. Сохраняющаяся в ряде стран частная и кооперативная собственность лишь смягчала этот деспотизм. Исчезает автономия экономики и политике, поскольку вторая подменяет своими императивами первую. Классические механизмы регулирования экономики, основанные на принципе эквивалентности обмена, спросе и предложении, загоняются в теневую сферу, «в подполье». В то же время и политика, непосредственно вмешиваясь в экономическую жизнь, утрачивает свою родовую сущность, разрушая основы собственного существования. В итоге воцаряются не политические системы, а их декорация, своеобразная театрокрация, если использовать термин Платона.

Благодаря возникновению таких искусственных систем, созданных во многом под влиянием умозрительных доктрин «осчастливливания» народа, прервалось естественно-историческое развитие этих стран. Капитализм был не преодолен, изжит, а отброшен, заменен тоталитарным механизмом насильственного регулирования всех общественных отношений. Восторжествовала «логика безумия» (Н. Бердяев), логика борьбы за власть и ее удержание, подкрепляемая необходимостью создания материально-технической базы «коммунизма». В итоге вместо индивидуальной утвердилась коллективная частная собственность, при которой те, кто распоряжаются ресурсами «от имени и по поручению народа», стали подлинными хозяевами жизни. Одновременно произошло отчуждение народа от власти, сам же он стал рассматриваться как объект бесконечных экспериментов.

Б. Я. Вяттенберг: А давайте посмотрим на марксизм в целом. Ведь в нем очень много говорится о необходимости слома буржуазных общественных отношений, но очень немного о том, как строить новое общество. И это не случайно, ибо как ученые Маркс и Энгельс чурались пустых прогнозов. Факт остается фактом: буквально понятый марксизм (а именно так воспринял его Сталин) содержит больше деструктивного, чем конструктивного.

В связи с этим возникают два существенных вопроса. Доктрина ли породила феномен сталинизма? Если сталинизм вырос из доктрины, значит он был закономерен, а посему заслуживает оправдания?

На первый вопрос, по нашему мнению, нужно ответить следующее: Маркс и Энгельс создали только проект, научный образ нового общества. Их ли вина, что он осуществлялся не в той стране, не в то время, малоквалифицированными строителями, с применением примитивного строительного материала, без привязки к меняющимся историческим условиям к т. д.? Ответ напрашивается однозначный: безусловно,- нет, хотя это вовсе не означает, что в самом проекте не могло быть дефектов.

На второй вопрос мы также даем отрицательный ответ, ибо, несмотря на все исторические, экономические, социокультурные, психологические и прочие предпосылки сталинизма при правильной политике его можно было избежать. Он возник как итог чудовищно неблагоприятного стечения объективных к субъективных обстоятельств, начиная от недостаточного уровня цивилизованности России накануне Октября, и кончая физической ущербностью и параноическим складом ума Сталина. Поэтому попытки вывести сталинизм из марксистско-ленинской доктрины есть ни что иное, как стремление его жестко теоретически детерминировать, провести мысль о его неизбежности, а, следовательно, в какой-то мере оправдать.

Б. В. Славян: Товарищи, разрешите и мне несколько слов сказать по поводу феномена сталинизма. Думаю, что чем далее мы осмысливаем прошлое, тем более решительно мы можем сказать, что сталинизм по сути своей является антиподом социализма. Если не отсечь сталинизм от социализма, то абсурдно говорить об обновлении. От того, как мы понимаем взаимоотношения между социализмом и сталинизмом, зависит не только процесс перестройки нашей марксистско-ленинской идеологии, но и реальная политика практически во всех социалистических странах. Исторический выбор, который стоит перед нами, можно сформулировать так: либо полнейший отказ от сталинизма и его последствий, либо полнейшая дискредитация социализма и, как следствие, реставрация капиталистических отношений. Не все это понимают.

К сожалению, как прогрессисты, так и консерваторы отождествляют социализм со сталинизмом, хотя и делают противоположные выводы. Консерваторы полагают, что сталинизм есть идеальная форма социализма, и поэтому хотят, чтобы в ходе перестройки она снова воплотилась в жизнь: отсюда призывы к твердому порядку, использованию «железной руки» и т. д.

А прогрессисты считают так: поскольку сталинизм и социализм одно и то же, постольку у нас вообще социализма не было никогда. По их мнению, мы только в условиях перестройки начинаем с нуля строить социалистическое общество. Такая позиция сразу возвращает ко временам переходного периода и решения вопроса: кто кого? К восстановлению той старой мерзости, которая у нас была при Сталине и которая связана с идеей обострения классово-борьбы. Однако при всей существенности деформации социализма сталинщиной, он не смог исчезнуть ни как идея, ни как реальная тенденция, несущая демократический и гуманистический заряд. Возможен ли антисоциалистический выбор? Если пролетариат отдает власть, то происходит возврат к буржуазному обществу. Это одна постановка вопроса. Другая состоит в том, что выбор, на мой взгляд, всегда возможен, пока существует несоциалистический мир, иначе история представлялась бы весьма мистической особой. Возьмите, например, Отечественную войну: там стояла альтернатива - быть или не быть социализму, т. е. имелась возможность и социалистического и антисоциалистического выбора.

Живая история - не смена моделей, но результат деятельности масс. Так, в переходный период она представляла собой борьбу пролетарских и антипролетарских сил; в годы культа личности Сталина - сталинских и антисталинских; период перестройки - это тоже результат деятельности масс, результат борьбы ее сторонников и активных противников. В истории всегда есть выбор между силами прогресса и реакции. Такое понимание живой ткани исторического процесса мне кажется более правильным. Таким же должен быть взгляд и на перспективы развития нашего общества. Он позволяет с правильных методологических позиций рассматривать различные этапы: прошлое, настоящее, будущее. «Модельный» же взгляд на историю не дает такого объективного инструмента, ибо он не доходит, говоря словами Ленина, до конкретного анализа конкретных ситуаций.

В этой связи я хотел бы еще раз вернуться к понятию «сталинизм». Думается, что это - извращение, карикатура на марксизм-ленинизм, не имеющая ничего общего с социализмом. Те, кто отождествляют сталинизм с социализмом - и правые, и левые, и консерваторы, и прогрессисты, - допускают, мне кажется, одну ошибку. Они не видят диалектики борьбы различных сил в условиях того времени. А диалектика существовала. Миллионы жертв - это фактически люди, стоящие в оппозиции к Сталину. Оппозиция, конечно, могла быть более осознанной, как, положим, у большевиков старой ленинской гвардии, или менее осознанной. Были и кричавшие «Да здравствует Сталин!», и молчаливое большинство, не выступавшее против незаконных репрессий и даже одобрявшее их: оно находилось под влиянием сталинской пропаганды. Одним словом, мы противоречивую ткань ис-

тории не поймем, если не увидим эту живую диалектику жизни 30-40-х годов. Поэтому, мне представляется, есть прямая связь перестройки с тем, что произошло в октябре 17-го года. Она проявляется прежде всего в людях, которые пронесли идеалы Ленина и Октября сквозь трагедию сталинского времени. Иначе трудно понять, откуда взялась «оттепель», откуда взялась перестройка. Без такого понимания нельзя осознать, что связывает прошлое с настоящим, что их разъединяет. Этот подход дает нам научное основание и право говорить, что в конце концов социализм у нас есть. Что это - социализм казарменного типа или еще какой-то - другой вопрос. Социализм есть, потому что сохранились его идеалы и его носители на протяжении всей истории. Социализм не тождественен сталинизму потому еще, что была демократия при Ленине, был ее всплеск в годы войны, было время «оттепели», наконец, есть пять лет перестройки.

Е. Я. Виттенберг: Но, если это социализм, то пусть мне ответят: когда мы его построили, каковы не формальные, но истинные его критерии и, наконец, в чем его преимущества по сравнению с капитализмом? Единственный путь хоть как-то спасти социалистическую идею - развести ее с нашей практикой. Мы не построили социализма - такова горькая правда. У нас были не деформации социализма, ибо деформировать, как известно, можно лишь то, что реально существует, а деформации процесса строительства социализма. И вот сегодня, живя в переходном обществе, мы должны осуществить выбор: от чего к чему переходить. Споры в политических и научных кругах по этому поводу страдают существенным методологическим пороком: они осуществляются на уровне понятийного аппарата XIX в.: «капитализм», «классовый подход», «миссия пролетариата» и т. п. Эти понятия в конце XX в., безусловно, устарели и не отражают уже реальностей и сложностей сегодняшних мировых процессов.

Может быть все же рассмотреть наше развитие в системе других, общечеловеческих координат? В ходе перестройки мы должны перейти от негуманного общества к гуманному, от иррационального использования ресурсов к рациональному, от деревянных счет к компьютерам, от административно-командной системы регулирования к экономической, от государственной монособственности к смешанной экономике, от социальных напряженностей и конфликтов к социальному консенсусу, от экономического и политического бесправия личности к ее свободе и полноправию, от диктата одной партии к политическому плюрализму, от идеологической отсталости и догматизма к соревнованию передовых идей и т. д. Как будет называться это общество: «обществом демократического социализма», «постиндустриальным», «технотронным», «информационным» — это в конце концов не суть важно. Важно то, чтобы в нем, извините, за ненаучное выражение, было хорошо людям. Таким образом, сегодня следует осуществить главный выбор не между капитализмом и социализмом, а между загниванием и прогрессом.

Б. В. Славин: А я думаю, что социал-демократическая модель, которая реализована в Швеции, Швейцарии и других странах при всех элементах социализма, которые там есть, все-таки социализмом не является. Одно дело - господствующая общественная собственность при допущении частной, а другое - господствующая частная собственность при допущении коллективных форм собственности. Это разные вещи. Нужно видеть границы в социальных явлениях и не смешивать их без разбора. Если в Швеции социализм, а у нас его нет, то размываются все критерии, мы вступаем в сферу релятивизма. Мы из очернительства буржуазного общества кинулись сегодня в другую крайность - в его лакировку. Как будто там нет противоречий, антагонизма капитала и труда, как будто там нет наркомании и преступности гораздо более высокой, чем здесь. Я выступаю за спокойное, взвешенное осмысление как нашей, так и буржуазной действительности.

С. С. Дзарасов: Если социализм победил, если наш общественный строй таковым является, то о чем разговор? Однако не надо себя обманывать. Да, формаль-

вые признаки общественной собственности есть, но суть в том, каково реальное присвоение. На практике так называемая общенародная собственность оказалась великолепнейшим прикрытием частного присвоения. Какая собственность позволила адыловым безнаказанно присваивать общественное богатство? В условиях частной собственности они не смогли бы так рисковать, а сейчас можно, ибо весь риск падает на государство.

Надо ясно сказать, что опыт строительства социализма на основе теории диктатуры пролетариата исторически себя не оправдал. Она не развернулась в систему широкой демократии, как предполагал Ленин, а переродилась в диктатуру личной власти, как предсказывал К. Каутский. Теперь мы обращаемся к другой теории - демократического социализма. В течение многих десятилетий коммунисты выступали против нее, но история показала, что в конечном счете демократия более жизнеспособна, чем диктатура. Процесс перестройки в СССР и других странах свидетельствует о решительном отказе народов от административно-командных форм политического и экономического развития.

Считаясь с историческими реальностями, мы переходим от старых, дискредитировавших себя идейных основ к новым: от Советов как государственной формы диктатуры пролетариата - к правовому государству парламентского типа; от политической монолитности - к политическому плюрализму; от одноукладной экономики - к многоукладной, к разнообразию форм собственности; от командной экономики - к рыночной. При этом часто умалчиваем о том, что это старые, исторически оправдавшие себя формулы социал-демократии, которые мы теперь вынуждены принять.

Еще один вопрос: не означает ли перестройка и признание социал-демократических ценностей возврата к капитализму? Уверен, что нет. Надо отрешиться от так называемой «опасности реставрации капитализма». Я взываю и апеллирую к вашей эрудиции. Найдите мне хоть один факт в истории, чтобы победила более передовая общественная система, а потом в силу каких-то обстоятельств откатилась назад. Например, побеждает капитализм, затем снова возвращается феодализм. Молчите, значит не было такого прецедента.

Я вам приведу пример. Вот победила Французская революция. Далее Францию оккупировали монархические государства - Пруссия, Россия, Австрия и началось обсуждение будущего Франции. Александр I, император России, оказался в этой ситуации большим «марксистом» задолго до рождения Маркса. Когда англичане предложили установить монархию, Александр I сказал: «Друзья, господа, невозможно сегодня Францию, которая прошла этап революции, вернуть обратно». Давайте будем реалистами. Нам не хватает такого «марксизма». Назад дороги нет. В. П. Киселев: Общественная система, где трудящиеся попадают в «поголовную» зависимость от коллективного деспота в лице партийно-государственной номенклатуры, неэффективна и не подлежит реформированию. Она может быть только демонтирована на основе возрождения экономического плюрализма благодаря равноправию всех форм и субъектов собственности. Насущно создание и подлинной политической системы (с оппозиционной многопартийностью, правовой культурой), отражающей многообразие интересов становящегося гражданского общества.

В Восточной Европе ведется сегодня борьба лишь двух общественных тенденций: за возврат к буржуазно-либеральному и социал-демократическому типам развития. (У сторонников консервативного, а то и реакционного планово-директивного социализма нет будущего, даже если в той или иной стране они временно одержат верх.) Мне кажется, попытки создания некоей новой модели социализма («очищенной от деформаций») бесплодны потому, что такой модели, принципиально отличной от социал-демократических вариантов общественного развития быть не может. К слову сказать, социал-демократические варианты (например, шведская и др. модели) основываются на общецивилизационных принципах развития: сме-

шанных формах собственности, рынке, политическом и духовном плюрализме. Поэтому нас должна волновать сейчас не проблема далеких целей, сияющих горизонтов, а проблема средств, сроков и цены достойного перехода от прогнивших структур к цивилизованным. Опасностей здесь много: и видимых, и невидимых. Главная из них - даже не военный или консервативный верхушечный переворот. В частности в СССР главная опасность - в консерватизме народа, в отторжении им рыночных механизмов, всей системы плюралистических ценностей.

Выбор Россией псевдосоциалистического пути, уничтожившего индивидуальную свободу вместе с частной собственностью, во многом предопределен особым типом нашего исторического прошлого, необычайной ролью государства, административной власти и, конечно, социально-психологической и нравственной природой народа, у которого всегда торжествовало общее над индивидуальным. Слабое выражение высокоразвитого личностного начала, отсутствие гражданского общества, немислимо-го без частной собственности (без экономической свободы) правового государства, где в центре внимания — свобода личности, послужили предпосылкой для своеобразного ренессанса «азиатского» типа развития с его «коллективным деспотизмом».

А. А. Сергеев: Основа представлений большинства российского народа о социализме - коллективизм в труде и в управлении. Это, в свою очередь, включает: полную занятость (безработица аморальна), отсутствие голодных и бездомных (юридичным - милосердие, бродягам - признание), общественную заботу о больных и слабых, эффективную помощь общества талантам из «низов», ненависть к «мироодам» и презрение к сверхбогатству, неприятие оторванного от народа и не понимающего его нужд чиновничьего аппарата. На такую модель социализма легко легла идея общественной собственности, которая и стала основой социалистического выбора.

Этот выбор был органичным и для народов Средней Азии, хотя его критерии здесь несколько изменены: нет неприятия чиновничьего аппарата, если он подчиняется религиозным вождям, нет и презрения к обогащению за счет «неверных».

Что касается европейских стран, то социалистический выбор в основном для них чужд, противоречит исторически сложившемуся социальному опыту; народное сознание здесь неотделимо от возможности разбогатеть путем свободного частного предпринимательства. Такие минусы, как безработица, растущая социальная и имущественная дифференциация там менее значимы по сравнению с возможностью разбогатеть. В полной мере это относится и к Прибалтике, Западной Украине, Молдавии. Народы данных регионов, как представляется, не могут прийти к признанию социализма иначе, чем предварительно полностью «выварившись» в капиталистическом котле, включая развитую государственно-монополистическую фазу.

СССР сегодня расплачивается за навязывание унифицированной модели социализма народам как своей страны, так и других государств. Расплата может прийти и с другой стороны — из-за попыток унифицированного «исправления» модели социализма по одному рецепту для всех. В Прибалтике неизбежен возврат к частной собственности - как мелкой, так и крупной. И чем раньше это будет понято, тем меньшими обернется издержками в том числе и для России.

Ситуация в России сегодня характеризуется двумя принципиальными новациями: с одной стороны, убеждением, что настоящий социализм требует ликвидации общенародного хозяйствования и перехода к «народным» предприятиям в форме кооперативов, арендных и акционерных хозяйств; с другой - у населения нарастает ненависть к подпольному капитализму и социально нечистоплотным людям как главным виновникам пустых полок и роста цен. Народ толкают в направлении домонополистического капитализма. В то же время постепенно стараются ему внушить, что ради демократии надо пойти на массовую безработицу, инфляцию, ухудшение условий жизни значительной части общества.

Однако ясно, что российский народ, во-первых, не откажется от социалистического выбора; во-вторых, не примет такого изменения структуры своего социального сознания, при котором социалистический идеал включал бы в себя основанную на наемном труде частную собственность (такова неизбежная и очень скорая перспектива «народных» предприятий) со всеми связанными с этим последствиями.

Парадигма массового российского сознания такова: движение к социальному равенству, социальная справедливость, базирующаяся на результатах собственного труда, стабильные (еще лучше - снижающиеся) цены, социальный механизм, «выталкивающий» вверх самых преданных интересам народа деятелей - все эти ценности неизмеримо выше возможности личного обогащения, всегда осуществляемого за счет эксплуатации других.

Чем более в общественное сознание будут внедряться мотивы, якобы соответствующие, а на самом деле несовместимые с общинно-коллективистской органической компонентой российского массового сознания, тем более резкие формы примет стихийный «рывок» народа в сторону выбора, адекватного Октябрьскому.

В. И. Иванов: Перестройка - тоже выбор: куда и как мы будем двигаться дальше. Куда - это цель перестройки, новая модель социализма, контуры которой более или менее ясны. Но как она сможет состояться? Выбрав модель, нужно выбрать и адекватные ей пути утверждения. Между тем здесь мы очень несвободны. И груз прошлого, и сложности настоящего заставляют нас идти на компромиссы, довольствоваться паллиативными мерами, когда дело касается не только рыночной экономики, но и других сфер общественной жизнедеятельности. Вместе с тем сегодня выбор на уровне теории толкуется весьма широко: или обновление социализма, или отказ от него.

К чему реально готовы массы сейчас. Приведу некоторые цифры.

Мы провели недавно опросы экспертов в Академии общественных наук, Академии народного хозяйства, Высшей партийной школе, Институте повышения квалификации работников Гостелерадио. Выяснили, как оценивают нынешнюю ситуацию и сделанное за годы Советской власти люди, имеющие определенный опыт и достаточно информированные. Так, на вопрос «Чем вызваны нынешние трудности в экономике?» 70% ответили «Ошибками прошлого и настоящего». Однако 20,2% считают, что причины наших трудностей кроются в самой природе социализма. Это настораживает. Ясно, что сегодня в массах не только растет разочарование из-за ошибок, но и возникают сомнения в жизнеспособности системы, в ее исторических возможностях. Иначе говоря, речь идет о приверженности масс социалистической идее, социалистическому пути развития, во имя которых принесены огромные жертвы.

В. П. Киселев: Серьезные основания для сомнения в социалистическом характере существующего строя как строя посткапиталистического, ориентация стран-реформаторов на социал-демократические ценности, на опыт капитализма вызывают недоверие к прежнему разделению мира на две социальные системы.

Переход большинства восточноевропейских стран к смешанной экономике и политическому плюрализму создает общество, близкое по сути к так называемым либерально-буржуазным. Между ними трудно провести границу. Следовательно, возможен общемировой консенсус, в центре которого не абстрактные принципы, но осуществление общечеловеческих, гуманистических идеалов. Именно это позволяет нам использовать достижения как капитализма, так и социал-демократии в соединении с исторически выстраданным собственным опытом.

В. Г. Смолянскнй: Тем не менее я хочу подчеркнуть, что марксисты не могут вести речь о конвергенции двух систем, их «слиянии» и т. п. Разумеется, каждая из них представляет специфический тип развития и обладает своими закономерностями и тенденциями. Однако это никак не умаляет растущего стремления к совместному решению глобальных проблем - защиты окружающей среды, предотвра-

щения ядерного конфликта, упрочения в целом международной безопасности, преодоления экономической отсталости, устранения голода, борьбы с терроризмом, эпидемиями, наркоманией. Не отказались мы и от ленинского тезиса «учиться у капитализма» всему, что может послужить общественному прогрессу.

А. В. Дмитриев: Когда мы обсуждаем те или иные проблемы обновленного социализма, привлекая, как обычно, высказывания классиков, то неизбежно ходим по маршруту, определенному полтора столетия назад. Однако тогда те же классики заявляли, что «коммунизм... не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна соотноситься действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние». Всякого рода схемы, реальные или выдуманные последователями, оказались явно нежизнеспособными — историческая практика их попросту не подтвердила.

Поэтому возможен один путь - от объективного анализа советского общества перейти к рассмотрению конкретных проблем его изменения в системе уже имеющих образцов административного, смешанного или рыночного социализма. Только так мы сможем шагнуть от многолетнего периода господства догматизма к неведомому пока будущему, испуг и бездействие перед которым, очевидно, будет означать и риск упустить возможность обновления. Хотелось бы обратить внимание на три обстоятельства. Первое. При анализе советского общества нам предстоит отказаться от тезиса универсальности основных принципов развития для всех регионов страны. Время интенсивных изменений — это время резко обозначившихся экономических и социальных различий.

История человечества всегда развивалась в региональных срезах, и «чистота», степень зрелости социалистических отношений в конкретных пространственных проявлениях у разных народов различна. Не принимать во внимание в теоретическом плане эту аксиому значит идти к провалам в практике. Отсюда так актуальны исследования проблемы разноформационных элементов в одном обществе; диалектики формационно-типического и регионального у отдельных народов; степень конвергентности однотипных и разнотипных обществ.

Второе. Тезис о примате экономики постоянно приводит к мысли, что корни современного кризиса находятся в сфере производственных отношений. Однако экономика функционирует в пространственных и временных параметрах, определяемых всеми прочими сферами (социальной, политической, духовной). Поэтому пересмотр структурных аспектов развития экономики, на который мы так надеемся, является по сути паллиативным средством. Радикальны лишь изменения в широко понимаемой системе управления, предусматривающей участие человека в реализации различных видов деятельности, в принятии решений, в эффективном потреблении результатов собственного труда. Здесь также необходимо «держать в уме» наши огромные региональные и национальные различия.

Третье. Переход к многопартийной системе в восточноевропейских странах среди прочих причин вызван определенными традициями. В СССР в долгосрочной перспективе это также возможно. Однако сейчас искусственно формировать подобную систему в большинстве республик было бы поспешным делом. Самодеятельные объединения граждан, различные народные фронты по мере созревания соответствующих условий и повышения политической культуры масс могут в будущем стать равноправными партнерами КПСС в общесоюзном масштабе.

Подчеркивая значение интегративных связей в обществе, все же не могу не назвать идиотским стремление (по-прежнему декларируемое) выровнять сверху экономическое и социальное развитие республик нашей страны. Между отдельными территориальными общностями всегда будет существовать естественное неравенство, которое можно свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью.

А. Е. Бусыгин: Социалистический выбор - выбор свободы. Согласуется ли он с ленинским положением о том, что социализм базируется на факте обобществлении производства капитализмом? Несомненно, подлинное обобществление повышает степень свободы - как экономической, так и политической. Наше общество здесь не преуспело, кое-что из имеющегося хотя бы в потенции в первые послереволюционные годы даже подрастеряли. Все это произошло в первую очередь из-за отсутствия реального обобществления.

Как известно, мнения ученых о путях нашего развития расходятся. Некоторые, на мой взгляд, излишне увлекаются пониманием гражданского общества ранним Марксом, полагая, что и сегодня развитие кооперации, индивидуальной трудовой деятельности, фермерских хозяйств послужит основой формирования социалистического гражданского общества по аналогии с капитализмом. Генетически современное западное общество уже «выросло» из частной собственности, которая «проросла» общественной. Сегодня несущую конструкцию при капитализме составляют наряду с частной собственностью различные формы самоуправления, общественные организации, политические партии. Полагают даже, что при социализме частник станет чуть ли не столпом гражданского общества. Это более чем сомнительно: структура современных производительных сил не позволит. Скажем, интеллектуальная собственность, собственность на информацию - может ли она в современных условиях быть частной? Очевидно, мы являемся свидетелями становления абсолютно новых форм собственности, способных обеспечить высокую степень интеллектуальной свободы, обществу в целом и каждому его члену.

Становление таких форм — дело весьма тонкое, мы же часто склонны действовать испытанными, привычными способами. Так же, как в 30-е годы насильственно насаждали коллективизацию, а в 50-е - кукурузу, готовы сегодня внедрять аренду, акции, фермерство. Этот синдром очень опасен.

В прошлом профанировалось так много хороших идей, что есть опасность загубить еще одну. Осторожность в переходе к рыночной экономике нужна чрезвычайная. Некоторые же наши ученые, как представляется, рисуют заманчивые, но умозрительные схемы, реализация которых не учитывает реальности.

Формирование гражданского общества неизбежно приведет нас к многообразию форм политической жизни. Однако следует подчеркнуть, что существование авангардной партии ленинского типа сегодня не только возможно, но и необходимо. Конечно, при условии, если за ней пойдут массы, объединенные в те или иные неформальные формирования. Пока же партия зачастую отделяет себя от общественных движений, считая их политически незрелыми, экстремистскими, несерьезными. Получается так: людское море бушует, милицейские кордоны выставляются, а в партийных органах тишина. Нужен конструктивный полемический диалог с общественными движениями за «круглым столом». Если партия и дальше будет изолировать себя от «неформалов», стоя в стороне и гордясь своим всезнайством, ее ждут тяжелые времена.

О социалистических ценностях и возможностях их реализации на современном этапе надо говорить честно, называть вещи своими именами, твердо определить, куда и зачем мы идем. При этом помнить замечательное высказывание русского композитора М. И. Глинки: «народ пишет музыку, композитор лишь аранжирует ее». Оно весьма актуально сегодня. Партия играет прогрессивную роль, когда правильно выражает то, что народ сознает, а сознает он свой объективный интерес. Относительно же насильственной реализации некоторых умозрительных или утопических идей, к чему партия была склонна в прошлом, то мы сейчас воочию убедились, как негибкое следование тем или иным догматическим представлениям, оборачивается для нее же серьезными поражениями.

В. В. Мунтян: Ко всему сказанному хотелось бы добавить, что многое, на наш взгляд, будет зависеть от мировоззренческих и политических позиций партии. От

того, сумеет ли она очиститься от некоторых устаревших представлений, творчески развить позитивный потенциал марксистской теории, применить ее диалектико-материалистический подход к оценке социальных явлений, к определению объективных и субъективных факторов общественного развития. Если нет, то она может уйти из истории как ушли многие партии и окончательно скомпрометировать творческое начало, заложенное в марксизме. Сможет ли партия осознать, что по своей природе она никогда не отражала и объективно не может отражать интересы и потребности всех слоев советского общества, где существуют не только «два класса и прослойка», а десятки различных социальных, социально-классовых групп. Сможет ли она отойти от абсолютизации принципа классового подхода и дать научно-политическую оценку последствиям его реализации через диктатуру пролетариата (точнее, партии), когда были проигнорированы интересы всех партий, течений, многих слоев населения, в том числе немалой части самого рабочего класса и крестьянства. Сможет ли осознать, что на историческую сцену выходит новый, *л* точнее, забытый старый субъект общественно-политических процессов - массовые общественные движения, возможно, будущие политические партии, за которыми, так же как и за КПСС, идет и будет идти часть народа. Следовательно, способна ли партия объективно оценить реальную тенденцию, проявляющуюся не только у нас, но и во многих социалистических странах и обеспечить в органах власти и управления равную представленность всех социальных сил, пойти на диалог, компромиссы и сотрудничество с ними? Если нет, то почему?

Что блокирует прогрессивные начинания со стороны партии и правительства в период перестройки, обуславливает принятие зачастую ошибочных или половинчатых решений, неадекватных реальности? Очевидно, один из таких блокирующих факторов - отношение к динамично формирующимся в настоящее время общественным движениям, к оценке их природы, тенденций развития и, наконец, к вопросу о признании или непризнании в качестве равноправных, субъектов политических процессов.

Появление и бурное развитие таких движений - это объективный процесс. Он обусловлен сложной стратификацией советского общества, наличием в нем большого числа социальных, классовых, этнических групп, стремящихся реализовать свои интересы и потребности. Это индикаторы становящегося гражданского общества и степени демократичности существующей политической системы и режима власти. И, наконец, это отражение социальных сил, стоящих за множеством противоречий в политической, экономической и духовной сферах нашей жизни, которые интегрируются в одно из резко обостряющихся в настоящее время ведущих противоречий перестройки по вопросу разделения власти - между формирующимися общественными движениями и официальными органами государственно-политического управления.

Видимо, в очередной раз в послеоктябрьской истории страны встает проблема разрешения данного противоречия, создания таких органов управления, которые могли бы выявлять, согласовывать и защищать весь комплекс многообразных интересов всех этих групп населения.

Вместе с тем итог развития социально-политических процессов в период нэпа известен. Как только самостоятельные общественные структуры, либо возродившись, либо конституировавшись вновь, стали претендовать на определенный статус в политической системе, они были отвергнуты, организационно разобщены, политически дезавуированы, физически и морально уничтожены. Кроме того, достаточно бескомпромиссно, скрупулезно и методично искоренялись экономические и социально-классовые основы подобных движений. Таким образом, если история вновь не повторится, то мы на пороге замены административно-командной, авторитарной системы власти новым демократическим механизмом политической власти, характеризующимся представленностью всего без исключения населения СССР, отражаю-

щим чаяния, потребности и интересы всех советских людей. Одновременно логики развития противоречия между общественными движениями и официальными органами государственно-политического управления по поводу разделения власти, по наш взгляд, такова, что отсутствие конструктивного диалога с самостоятельными объединениями, непризнание их правосубъектности, запаздывание с развертыванием механизмов включения в позитивные перестроечные процессы, игнорирование мировоззренческих позиций и т. п. может привести, по мере роста их влияния в массах, либо под воздействием коррумпированных, экстремистски и националистически настроенных элементов, представителей организованной преступности, теневой экономики и теневой политики к серьезным последствиям. В частности, к изменению подходов к средствам, формам и методам борьбы со стороны данных социальных сил за свои интересы, в конечном счете, за власть. При этом не исключено инспирирование не только вызревания и оформления альтернативных программ и платформ развитой политической оппозиции, но и использование антиконституционных, насильственных методов противодействия существующему общественному и государственному строю, режиму власти. Именно в длительной неразрешенности указанного противоречия, в нарастающем противостоянии социальных сил кроется (и я хотел бы ответить на прозвучавший уже здесь вопрос о степени вероятности гражданской войны в СССР) одна из первопричин ее возможности. Кстати, стереотипы, психология такого конфликта, как и во времена многих революций, по наш взгляд, успешно формируется. Это принцип «мы» и «они». Только, если в период Октября был стереотип «мы» — бедные, «они» — богатые, то сейчас «мы» — за социализм, а «они» — против него. Крайнюю опасность и несостоятельность подобной манипуляции с массовым сознанием иллюстрирует следующий пример. Сегодня участникам «круглого стола» показали фильм об альтернативной демонстрации, организованной представителями многих общественных движений 7 ноября в Москве. При всей разношерстности, противоречивости, политической резкости и чрезмерной эмоциональности отдельных плакатов бесспорно доминирует тема демократии, свободы, социальной справедливости, равноправия, солидарности. Это лозунги в пользу социалистического выбора и общечеловеческих ценностей. В их искренности в большинстве случаев, очевидно, можно не сомневаться, т. к. за другими призывами народ не пойдет. Так по каким критериям мы вдруг начинаем оценивать, что «мы» — за социализм, а «они» — часть общественных движений, вместе с идущим за ними народом, — против? Ведь в центре нынешней дискуссии в нашем обществе — вопрос о путях и средствах движения к провозглашенным перестройкой идеалам. Так не повторится ли история 20-х годов? Впрочем, в сложившейся обстановке, в условиях роста социальной напряженности очень быстро формируется и другой стереотип: «мы» — демократические силы, а «они» — «аппарат» — консервативные и реакционные. Он уже проявился на недавних выборах, во время забастовок шахтеров, на многих массовых митингах и требует серьезного внимания.

В целом подход к общественным движениям будет предопределять судьбу перестройки, обстановку в стране и направленность ее развития.

С. П. Грызунов: Будь у сталинских «сателлитов» в свое время реальная свобода выбора, вряд ли страны Восточной Европы строили бы социализм по модели, сконструированной «гением всех времен и народов». Убежден также, что «государственный, бюрократический», «военно-феодальный социализм», насильственно перенесенный из СССР, и создание так называемой «социалистической системы» не связаны с учением марксизма-ленинизма. Не это учение следует называть утопическим, как стало модным говорить сегодня, а период его реализации в Советской России. Утопической была и теория так называемого «развитого социализма». Теперь ей найдено другое имя — «эпоха застоя». Развитие, как известно, достигает зрелости,

я тут недолго до того, чтобы перезреть. Так и случилось с «развитым социализмом». Он попросту сгнил.

Мы вообще большие мастера красивого самообмана. Был у нас и «социализм, построенный в основном», и «полная и окончательная победа социализма», и «развернутое строительство коммунизма», и уже упомянутый «развитой социализм». Сейчас мы говорим о «деформированном социализме». Товарищи, коллеги, хватит «измов»! Дайте народу самому решать, какое общество построено, какое строить. Глубоко убежден, ума для этого хватит.

Реальность лучшего выбора в пользу социализма у нас была на XX съезде КПСС. Но он смертельно напугал партийно-государственную бюрократию. И как только Хрущев попытался подорвать ее позиции, заменяя министерства совнархозами и разделяя обкомы на промышленные и сельские, бюрократия взяла реванш, утвердив на его месте неосталиниста Брежнева. Можно говорить о целостной «сталинско-брежневской» модели социализма, исходя из единой социальной природы, а также экономических, государственно-управленческих и идейно-психологических основ. Поэтому тот, кто сегодня противится критике сталинского деспотизма и его извращений, намеренно или нет, объективно защищает и времена застоя.

В. Г. Смолянский: Подводя итоги проведенного анализа подчеркну, что мы исходили из курса партии, провозгласившей твердую уверенность в том, что мы будем идти по пути исторического выбора, сделанного в Октябре 1917 г., несмотря на имевшие место в прошлом деформации социализма. Словом, перестройка направлена на обновление социализма, а не на его демонтаж. На этом хотелось бы закончить наше обсуждение.

Материалы «круглого стола» подготовили к печати М. Е. ГОНЧАРОВА, В. И. МИХАЛЮК и М. Б. САПУНОВ.